
УДК 82.0(470)
ББК 83.3(2=Рус)1
Н 63

Никольский Е. В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории отечества, права и культуры Московского государственного университета геодезии и картографии, e-mail: eugenius-08@yandex.ru

Своеобразие комизма в позднем творчестве В.Соловьева *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматривается специфика комизма в позднем творчестве Всеволода Сергеевича Соловьева (1843-1903). Анализируются роман «Злые вихри», комизм и нелепые положения которого обнажают нелепый стиль мышления отдельных представителей парарелигиозных течений, и роман «Царское посольство», где отображена специфика диалога культур, а также курьезные стороны социально-бытовой жизни допетровской Руси. На основе анализа выявлено, что если в своих ранних произведениях автор рассматривал преимущественно трагические и драматические аспекты, как исторического, так и социального бытия, то здесь мы встречаемся с иным подходом к осмыслению былого и настоящего.

Ключевые слова:

Комическое, историческая проза, XVII столетие, диалог культур, Россия, Италия, социальная проза, критика спиритизма, имагология.

Nikolsky E.V.

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Domestic History, Law and Culture, Moscow State University of Geodesy and Cartography, e-mail: eugenius-08@yandex.ru

The comic peculiarity in late creativity

Abstract:

The paper discusses specificity of the comic in late creativity of Vsevolod Sergeevich Solovyev (1843-1903). An analysis is made of the novels "Evil Vortices" and "The Tsar's Embassy". In the first novel, the comic and ridiculous situations lay bare an absurd style of thinking of separate representatives of para-religious trends. The second novel shows specificity of dialogue of cultures, as well as the curious aspects of social and domestic life of pre-Pertine Russia. On the basis of the analysis it is established that in the early works the author considered mainly tragic and drama aspects of historical and social life, but in the late creativity the writer uses another approach to elucidate the past and the present.

Keywords:

Comic, historical prose, the 17th century, dialogue of cultures, Russia, Italy, social prose, criticism of spiritism, imagology.

В 90-е годы Всеволод Соловьев написал два произведения на злобу дня: роман «Злые вихри» (1893) о пустоте идейных желаний тех, кто стремился к прогрессу революционным путем, и неоконченное произведение «Цветы бездны» (1895- 1896) – о проникновении в Россию нищезанятия. В «Злых вихрях» автор обнажил лицемерие высшего света, где все творится «по шаблону». Это настоящий нравоописательный роман. Резкому обличению подвергались и фанатики толстовского учения – «обезьянство ничтожных, жалких людей, бегущих одинаково толпою за вещим пророком и за лжепророком, пустосвятом» [1: 57].

Другим объектом сатиры позднего Соловьева стали последователи спиритизма. В отроческие и юношеские годы Вс. Соловьев был ревностным приверженцем традиционного для России православного вероучения. В молодости под влиянием некоторых негативных сторон церковной жизни писатель разочаровался в христианстве и его духовные взоры были обращены к нетрадиционным (и получившим, согласно разрозненным свидетельствам, широкое распространение в российском обществе XIX века) формам духовной жизни (спиритизму, гностицизму, парапсихологии и т.д.). Увлечение романиста этим явлением было длительным. Позднее Всеволод Соловьев, обобщая свой опыт, писал: «... с медиумизмом я столкнулся в первые годы моей юности и с тех пор в продолжение многих лет наблюдал его сущность, следил за его развитием и распространением...» [2: 174].

Писатель оказался не только знаком с литературой о предмете, но и видел все явления, относящиеся к сфере медиумизма. Все типы деятелей, приверженцев и противников прошли пред ним: он наблюдал шарлатанов, сознательных и бессознательных обманщиков, слепых фанатиков, осторожных и неутомимых исследователей, воодушевленных самыми высокими стремлениями, упорных и упря-

мых скептиков, близоруких и легкомысленных отрицателей, - «словом, честных и бесчестных, мудрых и глупых» [2: 172].

Различным аспектам этой темы писатель посвятил целый ряд публицистических статей и очерков в петербургских журналах. А в романе «Злые вихри» он показал, что спиритизм может быть просто смешным явлением. В одной из начальных глав он вывел в качестве эпизодического персонажа одного пожилого человека по фамилии Бундышев, убежденного и фанатичного спирита. По словам писателя, когда устраивают «сеансы, чаще всего у Гагарина, и зовут Бундышева... Забавно! Тушится все, свечи и лампы, делается ночь, стол поднимается, стучит, колокольчик звонит, а потом начинают Бундышева бить куда попало, щипать,.. а на прошлой недели ему чуть ухо не открутили. Он крутит, визжит, молит, а на следующий день по всему Петербургу ездит и с восторгом рассказывает, как его духи избили, каких пощечин ему надавали. При дамах отвертывает рукава и показывает <...>. Кого Гагарин не выдержал, признался ему: это я сам, говорит, вот этою рукою щепал вас и тумака дал Вам в шею. Так ведь не верит ни за что в мире: *jeune homme* – говорит, *on ne profane pas impunement les verities sacrees! Vous allez subir les confeguenances de votre mensonge!* («Молодой человек!!! Нельзя осквернять священные истины безнаказанно, вы еще пострадаете из-за вашей гнусной лжи»). (фр.) Перевод мой - Е.Н) *Кого озлился: Так я Вас так избью, что поневоле поверите!*». Сегодня у княгини Червинской показывал... кругом хохот, а он в позу – целую лекцию о реинкарнации и уже не знаю, о чем еще» [3: 41].

Здесь смех и сатира выполняют функцию обличения того, с чем писатель не был согласен по своим религиозно-философским убеждениям. А в другом произведении, на котором нам хотелось бы остановиться подробнее, роль смеха иная. В «Царском посольстве» Вс. Соло-

вьёва сосредоточивает внимание на обрисовке взглядов и нравов кремлевской аристократии, бытовых сторон жизни русского общества XVII века.

В одном из писем Вс. Соловьева его близкому другу А.А. Александрову, датированном 1893 годом, содержится следующее упоминание о произведении. «<...>По отзывам людей, это самый веселый и игривый, самый интересный из моих романов; сам я его люблю очень, и писал его *com amore* <...> и вынашивал долго» [4]. В основе сюжета лежит подлинная история русской миссии в Венецию во второй половине XVIII века во главе с А. П. Чемодановым. По словам историка А.Н. Сахарова, можно с полным основанием думать, что Всеволод Соловьев внимательно изучил архивы посольства, история которого легла в основу сюжета очередного романа, ведь в архивах сохранился «наказ» Алексея Михайловича, «отчет <...> о путешествии и выполнении царского поручения, все сопутствующие документы» [5: 7]. Это нашло отражение в диалоге царя с послами: «<...> Все сие обсудить надобно в приказе, там тебе, по нашим мыслям, подробный наказ напишут» [5: 23].

В романе повествуется о том, как в 1656 году на Аппенинский полуостров морским путем (вокруг Скандинавии и берегов Западной Европы) на нанятых голландских судах русский государь направил своих дипломатов во главе с воеводой Алексеем Чемодановым и дьяком Иваном Постниковым. Главный герой, молодой боярин Александр Залесский, жизнь и история любви которого описаны в первой части произведения, – оказывается в центре напряженной международной интриги, завязанной узлами во дворцах Варшавы, Ливорно, Венеции, в хоромах московского посольского приказа. Действие второй части произведения происходит в Италии, в Ливорно, во Флоренции и Венеции. «Автор хорошо знает жизнь позднесредневековых <...> горо-

дов, чувствуется, что он сам прошел той же дорогой, которой путешествовал его герой Чемоданов» [6: 3].

В этом произведении воплотились художественные принципы типичного исторического романа: в нем сочетаются «исторический, социальный и гуманистический подходы» [7: 15]. Под гуманистическим подходом следует, на наш взгляд, понимать также и антропологически – аксиологический ракурс. Рассмотрим подробнее эти положения. Соловьев весьма кратко описал международную обстановку того времени. Интерес Москвы к Венецианской республике вызван сложным комплексом противоречий между итальянскими государствами и Турцией, Турцией и Россией, нестабильной обстановкой в Восточной Европе, бесконечными русско-польскими противоречиями. В произведении трижды и весьма кратко упоминается о задачах дипломатической миссии. Однако не государственные проблемы московского правительства детально отражены в произведении, посвященном описанию бытовых сторон русской и европейской жизни в XVIII веке и судеб вымышленных героев – бояр отца и сына Залесских и реальных исторических лиц: царя Алексея Михайловича и его друга Федора Ртищева.

Вс. Соловьев посредством путешествия, под которым мы вслед за Н.В. Черепановой понимаем «перемещение ... в чужое культурное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности другого народа» [8: 65], показал, как происходило знакомство русских людей с западным миром, как с помощью добродушного юмора и искреннейшей любознательности осуществлялся своеобразный «диалог культур». А каждый народ, как известно, имеет свои внешние и внутренние формы и нормы бытия, выработанные ходом развития культуры. Оттого смешным обычно представляется все то, что таким нормам не соответствует. Поэтому так ча-

сто курьезными становятся иностранцы. Чем резче их отличия от соотечественников, тем вероятнее возможность комизма. Как известно, смех вызывают несоответствия, вскрывает отклонения от нормы, которую человек инстинктивно определяет по отношению только к себе.

Соловьевские московиты были потрясены обликом западного мира. С большим юмором автор описывает переживания русских людей при виде заморских чудес, разного рода неловкости, в которых они оказывались по незнанию местных порядков: «<...> *Приноровиться к итальянскому обращению москвичам было трудно, почти даже совсем невозможно. <...> Когда послы выезжали осматривать городские достопримечательности или вообще показывались на улицах, вокруг них собирались толпы народа, разглядывали их без всякой церемонии, нисколько не стесняясь, подсмеивались над ними*» [5: 107]. Все в русских людях казалось итальянцам комичным. Говорили, что: «*москвиты живут очень грязно и спят где попало, объедаются рыбой так, что все пропитаны рыбным запахом, упиваются водкой. Между тем, одежда на них всегда оказывается чистой и красивой, и пьяными их никто не видел*» [5: 107]. Примечательны определения, которые дают русские дипломаты отдельным явлениям итальянской светской жизни: «*шабаш*» [5: 110], «*позорище греховное*» [5: 111], «*нехристи, басурманы*» [5: 111], «*грех*» [5: 126], «*дьявольское наушение*» [5: 126], «*черные хари*» [5: 152], «*поганое место*» [5: 160]. Своеобразны и характеристики, сделанные московскими дипломатами в отношении итальянских женщин: «*голошеи, голоруки*», [5: 111], «*бесстыжие озорницы*» [5: 112], «*срамницы*» [5: 113], «*пучеглазая дьяволица*» [5: 113], «*богомерзкие обезьяны*» [5: 178]. В то же время герои (хотя и редко) положительно высказываются об итальянцах: «<...> *Знатно проживают. <...> Добрый народ, вежливый, жаль вот, что немцы и басурманы!*» [5: 124].

Однако не столько само посольство в этом произведении становится центром повествования (как бы ни были замечательны и забавны приключения послов), а описание (не столько в ироническом, а скорее в антропологически- аксиологическом ракурсе) быта последних лет допетровской, «дремотной» Руси. Старый мир представлен на примере двух враждующих боярских родов, двух соседей, Залесских и Чемодановых, своеобразных «монтекки» и «капулетти» с берегов Москвы-реки. Бояре Залесский и Чемоданов – типичные представители старой Московии, автор характеризует их как хороших семьянинов – домостроевцев, истовых служителей своего монарха. С одной стороны, они неглупы, честны, простодушны.

С другой – чванливые спесивые феодалы, жесткие и хитрые, когда затрагиваются коренные интересы их фамильной чести. И даже сам царь не в силах сбить с них спесь, на которой замешена их вражда, так мешающая исполнению обязанностей государственной важности. В доме того и другого одинаково скользят безропотные жены и послушные дети. Вот характеристика внутрисемейных отношений старших Залесских: «*Изредка он, по обычаю и для порядка, приступал к супружескому учению, то есть давал волю рукам своим, <...> она никогда не поднимала криков и воплей, <...> нужно отдать справедливость Никите – он «учил» жену крайне редко, всего три - четыре раза в год, да и то под пьяную руку*» [5: 14]. Интеллектуальный кругозор обоих семей крайне скуден; их образование ограничивалось умением читать и писать, изучением основных молитв и скудными сведениями из истории и географии. Например, в Венеции Чемоданов в диалоге с Александром Залесским говорит: «*О-о-о пера <...> не слыхал я что-то о таком звере*» [5: 160]. В разговоре со Ртищевым старший Залесский заявляет: «<...> *никаких тальянских стран я не*

знаю, что за такая птица – дук – не ведаю» [5: 78]. А вот реакция его супруги, узнавшей о том, что их сын направлен по воле монарха в далекую Италию: «*Антонида Галактионовна <...> в голос вопила, окруженная перепуганными служанками. Она поняла, <...> что Санюшку царь посылает к басурманам на погибель, <...> что будут рвать нехристи на части и кидать его тело белое черному воронью*» [5: 79]. Священник лубянской феодосеевской церкви, отец Савва, тупой фанатик и мракобес, пользовался у Залесских весьма большим авторитетом, несмотря на то, что распространял популярные у будущих староверов бредни и побасенки: «*Придет поп Савва, скажет, что народился антихрист*» [5: 34]. Или: «*Неведомая странница <...> рассказывает, что в городе Калуге летает змей огненный, и что поповская корова отелилась теленком о трех головах, и теленок этот говорит человеческим языком*», и боярыня всему верит [5: 34].

Можно привести и иные фрагменты, отображающие менталитет эпохи. Однако уже приведенные цитаты показывают нам высокую степень писательского мастерства Всеволода Сергеевича Соловьёва, который в романе «Царское посольство», используя различные художественные средства, воссоздал не просто быт, нравы и менталитет предпетровской Руси, но показал, что петровские великие реформы были необходимы для дальнейшего существования России. Если в своих ранних произведениях автор рассматривал преимущественно трагические и драматические аспекты, как исторического, так и социального бытия, то здесь мы встречаемся с иным подходом к осмыслению былого и настоящего. А в романе «Злые вихри» комизм и нелепые положения обнажают нелепый стиль мышления отдельных представителей параллельных течений. Таковы функции комического в позднем творчестве Всеволода Соловьёва.

Примечания:

1. Быков П.В. Всеволод Сергеевич Соловьёв: его жизнь и творчество: очерк // Соловьёв Вс.С. Полн. собр. соч. Пг., 1917. С. 3-70.
2. Север. СПб., 1889. № 9. 245 с.
3. Соловьёв Вс. Полн. собр. соч. Т. 3. Злые вихри. СПб., 1903. 380 с.
4. РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 735. Л. 3, об.
5. Соловьёв Вс. Царское посольство. М., 1994. 367 с.
6. Сахаров А.Н. Предисловие // Соловьёв Вс. Царское посольство. М., 1994. С. 3-10.
7. Жачемукова Б.М., Бешукова Ф.Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник Адыгейского Государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. № 1 (70). С. 13-20.
8. Черепанова Н.В. Путешествие как способ измерения культурного пространства // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки. Томск, 2006. Вып. 7 (58). С. 65-70.

References:

1. Bykov P.V. Vsevolod Sergeevich Solovjyov: his life and creativity: an essay // Solovjyov Vs. S. Complete collected works. Pg., 1917. P. 3-70.
2. Sever. SPb., 1889. № 9. 245 pp.
3. Solovjyov Vs. Complete collected works. V. 3. Severe whirlwinds. SPb., 1903. 380 pp.
4. RGALI. F. 2. Op. 1. Ed. khr. 735. L. 3, ob.

-
5. Solovjov Vs. The tsarist embassy. M., 1994. 367 pp.
 6. Sakharov A.N. Foreword // Solovjov Vs. The tsarist embassy. M., 1994. P. 3-10.
 7. Zhachemukova B.M., Beshukova F.B. Literary specificity of the historical novel genre // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2011. № 1 (70). P. 13-20.
 8. Cherepanova N.V. Travelling as a method of cultural space measurement // TPGU Bulletin. Ser. The humanities. Tomsk, 2006. Issue 7 (58). P. 65-70.